

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО, ИНВЕСТИЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

ЮРЕВИЧ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ,

научный сотрудник Центра макроэкономических исследований
Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия,
e-mail: MAYurevich@fa.ru

Проблемы бедности и социального неравенства, справедливого распределения богатства в обществе находятся в фокусе исследований многих поколений экономистов. С одной стороны, чрезмерное неравенство в распределении доходов обостряет социальную напряженность в обществе, приводит к политической нестабильности и в конечном счете препятствует экономическому развитию. С другой – политика государства, направленная на чересчур активное смягчение материальных диспропорций в обществе, оказывает сдерживающее воздействие на инвестиционную активность, что в итоге пагубно сказывается на росте экономики. Поэтому в экономической науке стала доминировать парадигма, согласно которой экономический рост максимизирует некоторый оптимальный уровень дифференциации доходов населения, одновременно не снижающий стимулы к обогащению и не приводящий к обнищанию основной массы граждан. В статье представлены эконометрические модели, демонстрирующие характер влияния индекса Джини на темпы прироста ВВП, а также объема ВВП на величину инвестиций в основной капитал. Результаты оценки моделей по данным 80 ведущих экономик мира позволили определить уровень социального неравенства в России, максимизирующий экономический рост. Расчеты показали, что действительно экстремально низкие и чрезмерно высокие уровни материальной дифференциации сдерживают экономический рост. Также для России составлены прогнозы роста ВВП при различных сценариях изменения индекса Джини и объема инвестиций в основной капитал.

Ключевые слова: социальное неравенство; индекс Джини; «кривая Кузнецца»; неравенство доходов; инвестиции.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2019 год по теме «Технологические, структурные и социальные факторы долгосрочного экономического роста» (АААА-А19-119080990043-0).

SOCIAL INEQUALITY, INVESTMENT, AND ECONOMIC GROWTH

MAKSIM A. YUREVICH,

Research fellow, Center of macroeconomic studies,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: MAYurevich@fa.ru

Many generations of economists have been investigated the problems of poverty, social inequality, and equitable distribution of wealth in society for years. On the one hand, excessive inequality in income distribution exacerbates social tensions, leads to political instability and, ultimately, hinders economic development. On the other hand, the state policy aimed at overly active mitigation of material imbalances in society has a restraining effect on investment activity, which adversely affects the growth of the economy. Therefore, the paradigm began to dominate, according to which some optimal level of differentiation of incomes maximizes economic growth. This level not reducing the incentives for enrichment and not leading to impoverishment of the bulk of citizens. The article presents econometric models demonstrating the nature of the influence of the Gini index on GDP growth rates, as well as the volume of GDP on the value of investments in fixed assets. The results of the evaluation of models based on data from 80 leading economies of the world allowed us to determine the level of social inequality in Russia, maximizing economic growth. Calculations have shown that really extremely low and excessively high levels of material differentiation constrain economic growth. Also for Russia, the article contains forecasts of GDP growth under various scenarios of changes in the Gini index and the volume of investments in fixed assets.

Keywords: social inequality; Gini index; Kuznets curve; income inequality; investments.

JEL: E20, H55

Введение

Социальное неравенство является одной из ключевых проблем всей истории развития общества и, в частности, его экономической сферы. Поэтому его анализ, рассмотрение соотношения социальной справедливости и экономической эффективности относится к числу фундаментальных вопросов экономической теории. Существуют различные формы и причины социального неравенства. Хотя даже естественные генетические или физические различия между людьми могут стать основой для формирования неравных отношений, главными в обществе являются различия между людьми в получении ими социальных благ.

Проблема бедности населения, обнищание наиболее уязвимых его слоев неизменно стоит на повестке множества развивающихся стран. Стремительный рост экономики зачастую влечет имущественную дифференциацию населения, что нередко приводит к острому недовольству и волнениям в обществе. В более развитых странах активно применяются инструменты снижения социального неравенства. Самый распространенный из них – прогрессивная ставка налогообложения – побуждает состоятельных граждан искать другие налоговые юрисдикции или скрывать доходы. Оба состояния (чрезмерное острое материальное неравенство и слишком активная «уровниловка») пагубно сказываются на развитии национального хозяйства. Поэтому в экономической науке постоянно предпринимаются попытки найти оптимальный уровень социального неравенства, который максимизирует темпы роста экономики.

Социальное неравенство – тормоз или двигатель экономического развития?

Данные статистики за продолжительные периоды времени и результаты исследований свидетельствуют об отсутствии четкого вектора в характере динамики распределения доходов и степени неравенства, которое определяется с помощью целого ряда показателей. Они также указывают и на существование нелинейной зависимости между его динамикой и экономическим развитием.

Среди пионеров исследования зависимости между ростом экономики и степенью неравенства в распределении доходов был Саймон Кузнец. В статье «Экономический рост и неравенство доходов» (*Kuznets, 1955*), используя статистические данные по развитым и развивающимся странам за продолжительные периоды времени, он выявил U-образную траекторию изменения показателей неравенства в распределении доходов и ее зависимость от экономического развития, получившую впоследствии название «гипотезы Кузнецца» или «кривой Кузнецца». В бедных странах по мере экономического роста и перехода от аграрной экономики, при которой дифференциация в доходах от сельского хозяйства была относительно невелика, к индустриальной происходит рост имущественного расслоения. Затем по мере развития экономики, а вместе с ней социальной сферы и демократических институтов, темпы роста расслоения сокращаются.

В развитых странах Кузнец обнаружил тенденцию к снижению неравенства в распределении доходов между физическими лицами в периоды экономического подъема. К аналогичному выводу пришел и голландский экономист Ян Тинберген, проанализировав динамику соотношения между высшими и низшими децилями первичных доходов в экономически развитых странах на протяжении 1930–1950-х гг. (*Tinbergen, 1957*). В исследованиях Кузнецца и Тинбергера предсказывалось продолжение тенденции к сокращению неравенства в распределении личных доходов по мере экономического роста и повышения благосостояния общества.

Однако более поздние эмпирические данные не подтвердили данной гипотезы. В исследовании Международного валютного фонда по 13 экономически развитым странам показано, что в период с 1950-х по конец 1980-х гг. индекс Джини и соответственно уровень социального неравенства в распределении доходов оставались сравнительно стабильными (*Sarel, 1997*). Исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по странам этой организации за период с середины 1970-х до начала 2000-х гг. продемонстрировали разнонаправленность изменений в характере распределения доходов в различные периоды времени и в различных странах (*Forster, d'Ercole, 2005*), а также преобладание с середины 1980-х гг. тенденции к увеличению неравенства в сфере распределения доходов, особенно в Финляндии, Новой Зеландии и Португалии (*OECD, 2008*). С середины 1980-х гг. в подавляющем большинстве стран ОЭСР также отмечалось и увеличение доли бедного населения. Существенное снижение масштабов бедности отмечалось лишь в Бельгии и Мексике, тогда как в Германии, Ирландии, Нидерландах и Новой Зеландии доля бедных выросла еще более существенно – на 4-5% (*OECD, 2009*).

Эти процессы объясняются рядом факторов. Такой демографический тренд, как дробление и уменьшение размеров домохозяйств, способствовал усилению нагрузки потребительских расходов (на оплату жилья, коммунальных услуг и т.п.) в расчете на одного его члена. Важную роль сыграло и усиление дифференциации заработной платы с середины 1980-х гг., тогда как до 1970-х гг. наблюдалось сокращение разрывов в оплате труда. Возможно, сыграли свою роль и последствия глобализации, способствовавшие обогащению узкого круга бизнес-элиты¹.

¹ С начала 1930-х гг. до середины 1970-х гг. доля национального богатства, принадлежавшая 1% наиболее состоятельных семей, снизилась в США с 30 до 18%, в Великобритании – с 60 до 29%, во Франции – с 58 до 24%. Однако в последующие годы доходы этого элитарного процента населения росли с исключительной быстротой, достигнув в середине 1990-х гг. показателей 1930-х гг. А в США эта часть населения стала владеть 39% национального богатства, как это было даже не в 1930-х гг., а в 1900-х (*Шкартан и др., 2009, с. 141–142*).

В XXI в. в целом сложился тренд на увеличение индекса Джини для большинства развитых стран (Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Финляндия, Норвегия, Италия, Испания), в ряде стран, наоборот, отмечается снижение этого показателя (Польша, Великобритания) (*OECD database*). Однако о каких-либо заметных изменениях в последние 15-20 лет международная статистка не свидетельствует, если не считать страны, испытавшие влияние затяжного внутреннего экономического кризиса (например, та же Греция).

Данные по России за последние два десятилетия свидетельствуют о более противоречивой картине. С одной стороны, в условиях незначительного экономического подъема, периодами сменявшегося турбулентностью, и расширения социальной поддержки малоимущих семей наблюдалось снижение доли бедного населения. Однако с другой – происходило стремительное увеличение социальной дистанции между бедными и богатыми слоями, нарастание социальной поляризации в обществе (по данным Росстата, индекс Джини вырос с 39,5 в 2000 г. до 41,1 в 2018 г. (*Росстат*)). По данным независимых исследований, разрыв в доходах 10% самых благополучных граждан к 10% самых бедных составляет в России 25-30 раз, а в Москве – 40-50 раз, тогда как оптимальным считается диапазон в 5-8 раз (*Шкаратан и др., 2009, с. 246, 472*).

По всей видимости, «гипотеза Кузнецца» проявляется лишь на длительных временных интервалах, выходящих за рамки нескольких десятилетий. Динамика показателей социального неравенства последних десятков лет не позволяет сделать однозначные выводы о направлении изменения дифференциации доходов жителей различных стран, но все же присутствуют признаки обострения материального неравенства, если говорить о странах – лидерах мировой экономики.

Проверке «гипотезы Кузнецца», а также других взаимосвязей между экономическим ростом, нормой инвестирования и социального неравенства посвящено множество работ, опирающихся на эконометрический анализ. Зарубежные и российские ученые, исследовавшие влияние социального неравенства на темпы экономического роста, пришли к различным выводам, которые можно поделить на три группы.

1. Социальное неравенство оказывает позитивное воздействие на экономический рост. Среди немногочисленных работ, в которых отстаивается подобная точка зрения, – эконометрическое исследование К. Форбса «Переоценка соотношения между неравенством и ростом», осуществленное на основании данных по 45 странам мира с разным уровнем экономического развития за 1960–1980-е гг. Автором выявлена сильная позитивная корреляция между увеличением неравенства в доходах и последующим экономическим ростом (*Forbes, 2000*).

2. Между неравенством в распределении доходов и экономической динамикой отсутствует отчетливо выраженная зависимость. Такого мнения придерживается американский профессор Роберт Барро в статье «Неравенство, рост и инвестиции», проанализировав данные за период с 1960 по 1995 г. более чем по 100 странам. Он отмечает, что в Японии, Южной Корее и на Тайване в 1970-е гг. неравенство между различными слоями населения (индекс Джини, распределение доходов по квинтильным группам) было не очень сильным, а темпы увеличения ВВП были высокими. Между тем в большинстве стран Южной Азии (как и ряде государств ОЭСР) дифференциация доходов в 1990-е гг. также была незначительной, тогда как темпы экономического роста были низкими. С другой стороны, в некоторых странах Латинской Америки с глубоким социальным неравенством (например, в Бразилии в 1960-е гг. и Чили во второй половине 1980-х) наблюдались довольно высокие темпы хозяйственного подъема. При этом Р. Барро подчеркивает, что неравенство может содействовать росту при высоком уровне доходов на душу населения, т.е. для развитых стран, и замедлять его при низком, т.е. для развивающихся стран (*Barro, 1999*).

3. Высокий уровень социального неравенства оказывает негативное воздействие на экономический рост и инвестиционную активность. Работы, авторы которых пришли к такому выводу, более многочисленны. В эконометрическом исследовании «Политика распределения и экономический рост» А. Алезина и Д. Родрик на основе данных по 46 странам с разным уровнем экономического развития за 1960–1985 гг. выявили негативную корреляцию между усилением неравенства в распределении доходов (индекс Джини) и последующим экономическим ростом (*Alesina, Rodrik, 1994*). В следующих работах эти ученые подчеркивают, что социальная поляризация общества может приводить к политической дестабилизации, которая ухудшает инвестиционный климат и условия экономического роста. В поляризованных обществах сложнее проводить преобразования, необходимые для ускорения экономической динамики, и, стало быть, социальное неравенство неблагоприятно для долгосрочного экономического роста.

Т. Перссон и Г. Табеллини в работе «Вредно ли неравенство для роста?» показывают, что увеличение доли высшего квинтиля в доходах негативно влияет на экономический рост, тогда как увеличение среднего квинтиля – положительно. Проанализировав данные по 9 развитым странам за период с 1830 до 1985 г. и по 56 странам за 1960–1985 гг., авторы пришли к выводу, что в демократических странах неравенство негативно коррелирует с экономическим ростом (*Persson, Tabellini, 1994*).

А.Ю. Шевяков рассмотрел два вида неравенства: нормальное и избыточное (*Шевяков, 2005*). Неравенство, характеризующее распределение доходов среди слоев населения, активно вовлеченных в экономические процессы, нормально, когда отсутствует абсолютная бедность, а относительная бедность не препятствует реализации социально и экономически значимых человеческих функций. Такое неравенство является социально оправданным, подразумевающим равенство возможностей. Оно оптимально для экономического роста, поскольку обеспечивает полное использование и оптимальное распределение человеческого потенциала в экономике и обществе, при котором продуктивность экономики максимальна. Избыточное неравенство, обусловленное низкими доходами тех слоев населения, которые не могут существенно влиять на собственное экономическое положение, нарушает требования и социальной оправданности, и создания предпосылок для экономического роста. Избыточное неравенство, при котором сосуществуют очень низкие и очень высокие доходы, отражает неспособность общества в равной степени использовать экономический потенциал всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке.

Исследования, проведенные Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, Центром социально-экономических измерений РАН и Росстатом по российским регионам, показали, что эффекты структурных изменений неравенства вполне сопоставимы с эффектами таких макроэкономических факторов, как инвестиции, рентабельность и др. Они выявили статистически значимую причинную зависимость темпов экономического роста от структурных пропорций экономического неравенства в предшествующие годы. Избыточная концентрация доходов (ее пики – 1994 г. и 1998 г.) ведет к использованию средств на потребление, нормальная концентрация повышает объемы инвестиций и темпы экономического роста. Избыточное неравенство доходов имеет очень тесные и статистически значимые связи с индикаторами экономической динамики. Так, снижение избыточного неравенства на 0,01 (на 1 пункт индекса Джини) повышает темп экономического роста на 1,87 процентного пункта, а темп роста объема инвестиций – в среднем на 3,6-3,8 (*Шевяков, 2007*).

В более современных исследованиях по странам ОЭСР также было выявлено негативное воздействие высокого социального неравенства на экономический рост: неравенство доходов оказывает значительное и статистически значимое отрицательное влияние на рост экономики, а типовые меры по перераспределению, направленные на повышение равенства

располагаемых доходов, не имеют негативных последствий для развития экономики (Чиньяно, 2015). Более того, анализ той же выборки не показывает противоположной зависимости, например, для стран с низкими темпами прироста ВВП. Исследование стран Магриба и Ближнего Востока оставило эти выводы в силе (Ncube, Anyanwu, Hausken, 2014).

Приведенные результаты исследований свидетельствуют, что подавляющее большинство авторов проведенных исследований по этому вопросу пришли к общему выводу о том, что высокий уровень социального неравенства негативно влияет на экономический рост. Определенное увеличение равенства в распределении, как правило, создает более благоприятные условия для развития, чем увеличение неравенства.

Оценка влияния социального неравенства на инвестиционную активность и экономический рост

Как было замечено ранее, уровень социального неравенства в последние годы меняется достаточно хаотично в различных странах и зависит от стадии развития национальной экономики. Поэтому для анализа зависимостей были выбраны страны с относительно крупной экономикой, где законы влияния дифференциации материального благополучия граждан на эффективность экономической системы прослеживаются более однозначно. В итоговую выборку вошло 80 стран – лидеров по ВВП по ППС за 2017 г. (по 2018 г. присутствуют множественные пропуски в международной статистике). Кроме того, волатильность индекса Джини и отсутствие ежегодных сплошных наблюдений со стороны международных организаций диктуют необходимость применения усредненных значений. Соответственно, этот и все остальные показатели брались как среднее арифметическое за 2008–2017 гг. Все данные взяты из базы данных Всемирного Банка (*The World Bank database*). На их основе рассчитаны следующие показатели:

λ – темпы прироста ВВП, %;

ВВП – объем ВВП, млрд долл. США по ППС, постоянные цены 2011 г.;

ИДЖ – индекс Джини, ед.;

ИНВ – инвестиции в основной капитал к ВВП (ежегодные), %.

В рамках рассматриваемой модели исследовалось влияние социального неравенства на экономический рост – на рис. 1 показано расположение отобранных стран в координатах этих двух параметров, а также обозначен тренд зависимости.

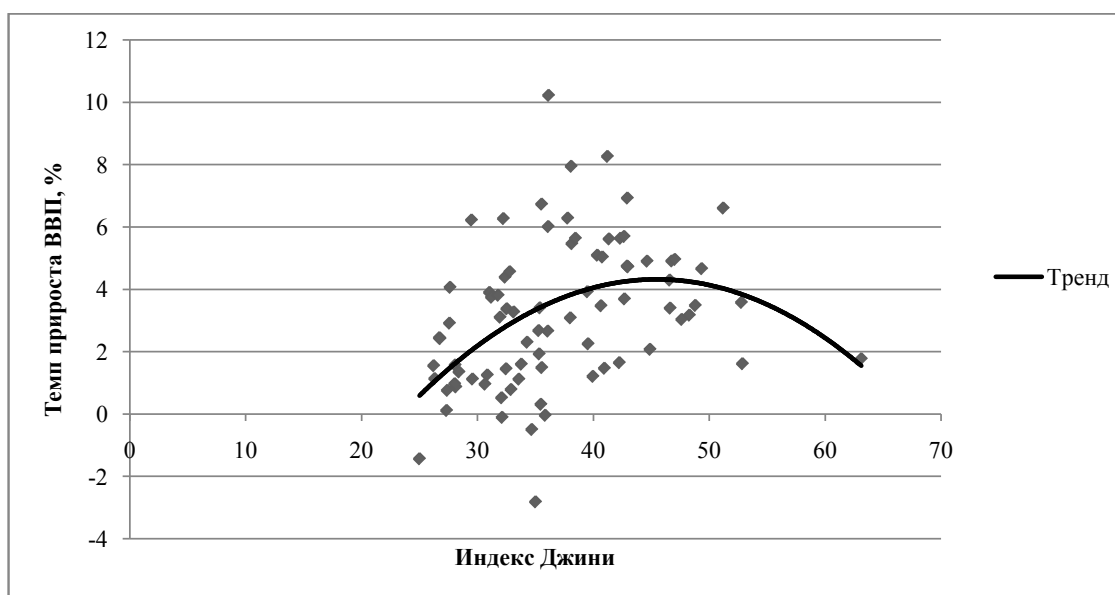

Рис. 1. Темпы прироста ВВП и индекс Джини
Источник: составлено по данным Всемирного Банка.

Уравнение (1) повторяет изображенный на рис. 1 тренд с указанием значений t-статистики для каждого из коэффициентов – все из регрессоров удовлетворяют высоким уровням значимости.

$$\lambda = -14,12 - 0,01 \cdot \text{ИДЖ}^2 + 0,81 \cdot \text{ИДЖ} \quad (1)$$

(-3,01) (-2,98) (3,38)

$$R^2 = 0,20; N = 80.$$

Полученная полиномиальная зависимость между индексом Джини и темпами прироста ВВП с направленными вниз ветвями параболы подтверждает доминирующую в экономической науке точку зрения о необходимости поддержания среднего уровня социального неравенства для обеспечения максимальной эффективности экономики. Слишком низкие и чрезмерно высокие значения материальной дифференциации граждан сдерживают экономический рост.

На рис. 2 продемонстрирована положительная зависимость темпов прироста ВВП от доли инвестиций в основной капитал к ВВП. Зависимость имеет логарифмический характер с угасающей отдачей от объясняющего параметра.

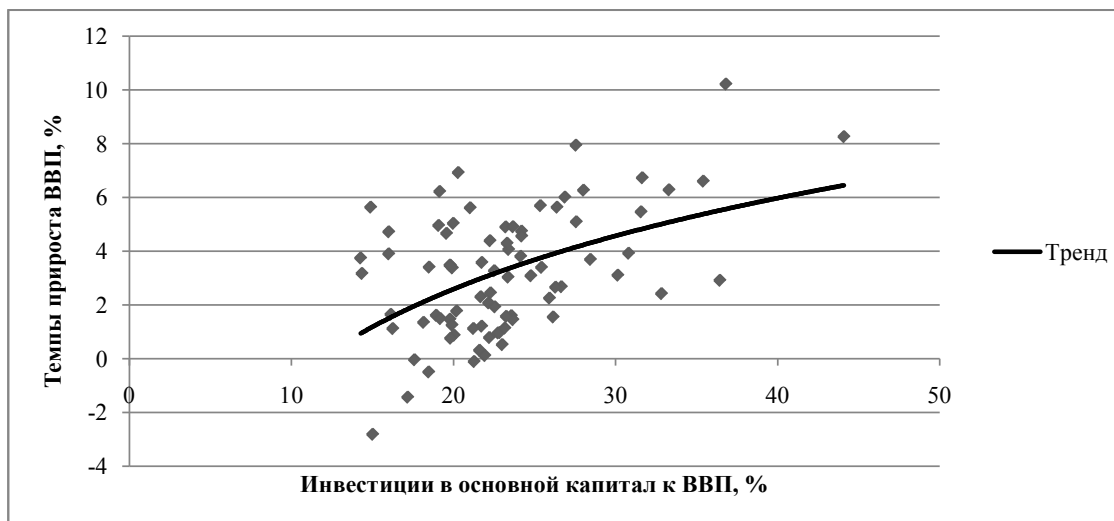

Рис. 2. Темпы прироста ВВП и инвестиции в основной капитал

Источник: составлено по данным Всемирного Банка.

Уравнение регрессии (2) также соответствует критериям высокой значимости коэффициентов при свободном члене и независимом регрессоре.

$$\lambda = -12,06 + 4,89 \cdot \text{LN}(\text{ИДЖ}) \quad (2)$$

(-3,72) (4,71)

$$R^2 = 0,22; N = 80.$$

Объединение регрессий (1) и (2) дало положительные результаты: сохранение высокого уровня значимости переменных и рост доли объясненной дисперсии.

$$\lambda = -27,19 - 0,01 \cdot \text{ИДЖ}^2 + 0,71 \cdot \text{ИДЖ} + 4,75 \cdot \text{LN}(\text{ИДЖ}) \quad (3)$$

(-5,68) (-2,94) (3,42) (5,17)

$$R^2 = 0,41; N = 80.$$

Полученная итоговая модель не идет вразрез с описанными ранее теоретическими конструктами и позволяет построить сценарии изменения темпов экономического роста при различных конфигурациях уровня социального неравенства и нормы инвестирования. Конечно, данная модель отражает некую усредненную зависимость по выборке наиболее крупных экономик, и результаты достоверны при принятии предпосылки о некоем усредненном влиянии всех остальных сил, воздействующих на экономики внутри каждой из стран.

В отличие от темпов прироста ВВП статистически значимой взаимосвязи между нормой инвестирования и индексом Джини найти не удалось. Причиной этому может служить сложность интерпретации инвестиционных настроений граждан, а именно наиболее обеспеченных из них. Очевидно, что инвесторы могут предпочесть вкладывать в проекты, находящиеся за территориальными рамками родной страны. Поэтому рост социального неравенства, возможно, и приводит к росту объема инвестиций, но они могут уходить в другие страны. Вместе с тем была обнаружена связь между нормой инвестирования и объемом ВВП (рис. 3).

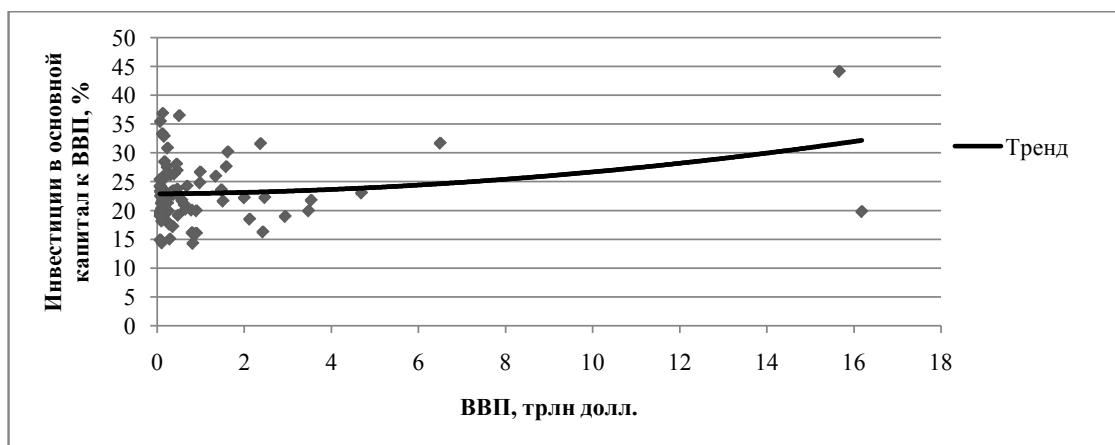

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал и объем ВВП

Источник: составлено по данным Всемирного Банка.

При проверке тренда, изображенного на рис. 3, выяснилось, что коэффициенты при переменных не обладают достаточным уровнем значимости. Более подходящими с этой точки зрения оказались не полиномиальная, а квадратичная и линейная зависимости (уравнения (4) и (5)).

$$\text{ИНВ} = 22,91 + 0,04 \cdot \text{ВВП}^2 \quad (4)$$

(37,43) (2,36)

$$R^2 = 0,07; N = 80.$$

$$\text{ИНВ} = 22,60 + 0,52 \cdot \text{ВВП} \quad (5)$$

(33,38) (2,26)

$$R^2 = 0,06; N = 80.$$

Полученные модели позволяют говорить об опосредованном влиянии социального неравенства на инвестиционную активность. Умеренные значения индекса Джини стимулируют экономический рост, а размеры национальной экономики, в свою очередь, приводят к наращиванию нормы инвестирования.

Апробация математической модели влияния социального неравенства на экономический рост в России

Полученная регрессия (3) позволяет оценить оптимальный с точки зрения максимизации экономического роста уровень социального неравенства. С целью поиска границ этого оптимального неравенства левая часть уравнения приравнивается к 0 и подставляется актуальное значение инвестиций в основной капитал к ВВП (21,4% в 2018 г.). В итоге получаются два корня квадратного уравнения: $ИДЖ_1 = 23,7$ и $ИДЖ_2 = 69,8$. Индекс Джини, находящийся в интервале между этими двумя значениями, обеспечивает положительный темп прироста ВВП (рис. 4).

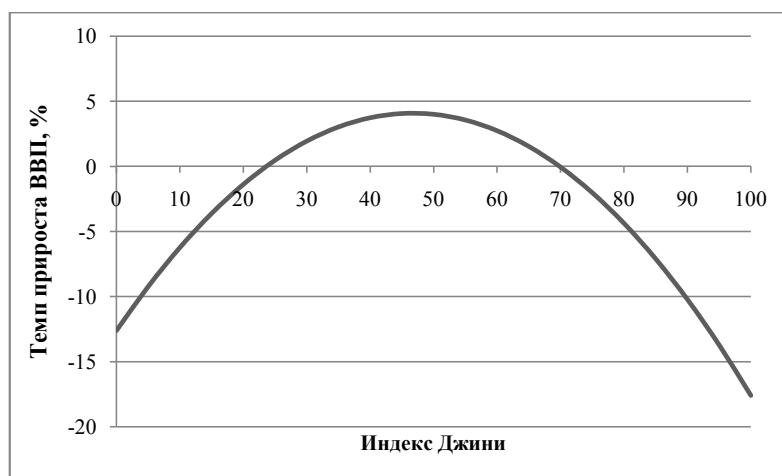

Рис. 4. Зависимость темпов прироста ВВП от уровня социального неравенства в России

Источник: расчеты автора.

Для определения значения индекса Джини, максимизирующего темпы прироста ВВП, использована производная. Максимум функции достигается при $ИДЖ_{\max} = 46,7$. Это значение существенно выше оценок социального неравенства в России. Последняя актуальная оценки индекса Джини, согласно Всемирному Банку, была в 2015 г. (37,7). Росстат также считает индекс Джини, причем каждый год. По его оценкам, в 2015 г. показатель составил 41,3, а в 2018 г. — 41,1, т.е. почти не изменился. Поэтому в рамках модели допустимо использовать последнюю оценку Всемирного Банка = 37,7.

Далее целесообразно рассмотреть, как различные варианты изменения индекса Джини в России повлияют на темпы прироста ВВП. Для этого использовано уравнение регрессии (3). Индекс Джини задается экзогенно и определяется тремя сценариями:

- 1) стабильность — $ИДЖ = 37,7$;
- 2) обострение социального неравенства — рост до $(37,7+46,7) / 2 = 42,2$;
- 3) максимизирующее обострение социального неравенства — рост до 46,7.

Также рассмотрены сценарии изменения инвестиций в основной капитал к ВВП:

- 1) стабильность — $ИНВ = 21,4\%$;
- 2) инвестиционный рост — рост до $(21,4+42,6) / 2 = 32,0\%$;
- 3) максимальный инвестиционный рост — рост до 42,6% (уровень Китая в 2017 г. — лидирующей страны в рамках рассматриваемой выборки).

Результаты сценарного анализа представлены в табл. 1.

Полученные сценарии позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, достижение уровня социального неравенства, максимизирующего экономический рост, способно разогнать прирост ВВП более чем на 0,5 п.п.

Во-вторых, увеличение нормы инвестирования до уровня Китая позволит достичь темпов роста экономики этой страны.

Таблица 1

Сценарии изменения темпов прироста ВВП

Сценарии		Стабильность	Обострение социального неравенства	Максимизирующее рост обострение социального неравенства
		Индекс Джини		
		37,7	42,2	46,7
Стабильность	Инвестиции	21,4	3,45	3,91
Инвестиционный рост		32,0	5,36	5,82
Максимальный инвестиционный рост		42,6	6,71	7,18
				4,07
				5,98
				7,34

Источник: расчеты автора.

В-третьих, усиление социального неравенства в ощутимо меньшей степени способно ускорить экономическое развитие по сравнению со значительным увеличением нормы инвестирования.

Заключение

Таким образом, в экономической теории существуют различные позиции по вопросам социального неравенства и его влияния на экономическое развитие. Большинство экономистов сходятся во мнении, что неравенство в оплате труда, в частности дифференциация заработной платы, является нормальным, социально оправданным и благоприятствует развитию экономики. Существенное же сокращение такого неравенства может ослабить экономический эффект системы материального стимулирования труда. «Если стимулы личной инициативы будут заглушены механизмами перераспределения доходов, лежащими тяжким бременем на инвестиции и производство, то в результате уменьшится стремление к инновациям, снизится объем инвестиций и упадут темпы экономического роста» (*Всемирный банк*). Как показывает опыт социалистической системы хозяйства, искусственное уравнивание доходов препятствует эффективному функционированию экономики.

Однако в условиях рыночной экономики, воссоздающей социальное неравенство, гораздо сильнее угроза избыточного неравенства, чем его чрезмерного сокращения. Экономический прогресс, который благоприятствует очень немногим за счет большинства, не может обеспечить стабильного экономического развития. В рассмотренных работах существуют различные взгляды на экономические последствия избыточного, несправедливого неравенства, но по своей значимости и количеству проявлений негативные эффекты явно доминируют над позитивными.

Таким образом, как чрезмерно низкий, так и чрезмерно высокий уровень социального неравенства препятствует формированию оптимальных условий развития экономики, при которых предполагается определенный баланс между социальной справедливостью и экономической эффективностью. Предложенная эконометрическая модель смогла на широкой выборке стран подтвердить эти тезисы и наметить границы оптимальности для уровня социального неравенства.

Оптимальными представляются такие условия, при которых бы обеспечивалось равенство социальных возможностей и справедливое материальное вознаграждение в соответствии с общественной полезностью труда, трудолюбием, реализацией компетенций, мастерства, природных дарований и т.п. и при этом обеспечивалась бы социальная защита людей, неспособных позаботиться о себе. Такие условия

складываются под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социальной деятельности государства.

Правильная оценка как экономических, так и общесоциальных последствий социального неравенства крайне важна для разработки и осуществления стратегии модернизации России. Для обеспечения социальной устойчивости экономического развития необходимо ограничение чрезмерной социально-экономической дифференциации. Одним из условий эффективности общественных преобразований является их социальная ориентированность, «создание справедливой социальной системы, обеспечивающей сохранение и воспроизводство человеческого капитала, равенство стартовых возможностей всех граждан и надежную защиту социально уязвимых слоев населения» (*Россия XXI века: образ желаемого завтра, 2010, с. 21*). В то же время, как показали расчеты, обострение социального неравенства в России способно придать заметное ускорение экономическому росту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Всемирный Банк (2006). Доклад о мировом развитии. Социальная справедливость и развитие. (<http://documents.vseirnyjbank.org/curated/ru/650941468314074496/World-development-report-2006-equity-and-development>).

Россия XXI века: образ желаемого завтра (2010). М.: Библиотека Института современного развития. (http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf).

Росстат. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc).

Чиньяно Ф. (2015). Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, Т. 10, № 3, с. 97–133.

Шевяков А. (2007). Избыточное неравенство как тормоз развития страны // *Российская Федерация сегодня*, № 3. (http://www.russia-today.ru/2007/no_23/23_economics.htm).

Шевяков А. (2005). Социальное неравенство, бедность и экономический рост // *Общество и экономика*, № 3, с. 5–18.

Шкаратан О. И. и др. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 560 с.

Alesina, A., Rodrik, D. (1994). Distributive politics and economic growth // *The quarterly journal of economics*, Vol. 109, № 2, pp. 465–490.

Barro, R. (1994). Inequality, Growth, and Investment // *NBER Working Papers № 7038*. (<http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/7038.html>).

Forbes, K. J. (2000). A reassessment of the relationship between inequality and growth // *American economic review*, Vol. 90, № 4, pp. 869–887.

Forster M., d'Ercole, M. (2005). Income Distribution and Poverty in OECD Countries in the Second Half of the 1990s / *OECD Social Employment and Migration Working Paper № 22*. (<http://www.oecd.org/dataoecd/48/9/34483698.pdf>).

Kuznets, S. (1955). Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*, Vol. 45, № 1, pp. 1–28.

Ncube, M., Anyanwu, J. C., Hausken, K. (2014). Inequality, economic growth and poverty in the Middle East and North Africa (MENA) // *African Development Review*, Vol. 26, № 3, pp. 435–453.

OECD (2008). Growing Unequal? Income Distribution and Poverty // *The OECD Observer*. (<http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>).

OECD (2009). Society at a Glance 2009. (www.oecd.org/els/social/indicators/SAG).

OECD database. (<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD#>).

Persson, T., Tabellini, G. (1994). Is inequality harmful for growth? // *The American economic review*, Vol. 84, pp. 600–621.

Sarel, M. (1997). How Macroeconomic Factors Affect Income Distribution: The Cross-Country Evidence / *IMF Working Paper*. (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp97152.pdf>).

The World Bank database. (<https://data.worldbank.org/>).

Tinbergen, J. J. (1957). Welfare economics and income distribution // *The American Economic Review*, № 3, pp. 490–503.

REFERENCES

Alesina, A., Rodrik, D. (1994). Distributive politics and economic growth. *The quarterly journal of economics*, 109 (2), 465–490.

Barro, R. (1994). Inequality, Growth, and Investment. *NBER Working Papers № 7038*. (<http://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/7038.html>).

Cignano, F. (2015). Trends in income inequality and its impact on economic growth. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 10 (3), 97–133. (In Russian).

Forbes, K. J. (2000). A reassessment of the relationship between inequality and growth. *American economic review*, 90 (4), 869–887.

Forster M., d'Ercole M. (2005). Income Distribution and Poverty in OECD Countries in the Second Half of the 1990s. *OECD Social Employment and Migration Working Paper № 22*. (<http://www.oecd.org/dataoecd/48/9/34483698.pdf>).

Kuznets, S. (1955). Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*, 45 (1), 1–28.

Ncube, M., Anyanwu, J. C., Hausken, K. (2014). Inequality, economic growth and poverty in the Middle East and North Africa (MENA). *African Development Review*, 26 (3), 435–453.

OECD (2008). Growing Unequal? Income Distribution and Poverty. *The OECD Observer*. (<http://www.oecd.org/social/inequality-and-poverty.htm>).

OECD (2009). Society at a Glance 2009. (www.oecd.org/els/social/indicators/SAG).

OECD database. (<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD#>).

Persson, T., Tabellini, G. (1994). Is inequality harmful for growth? *The American economic review*, 84, 600–621.

Rosstat. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc). (In Russian).

Russia of the XXI century: the image of the desired tomorrow (2010). Moscow: Library of the Institute of modern development. (http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf). (In Russian).

Sarel, M. (1997). How Macroeconomic Factors Affect Income Distribution: The Cross-Country Evidence. *IMF Working Paper*. (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp97152.pdf>).

Shevyakov, A. (2005). Social inequality, poverty and economic growth. *Society and economy*, (3), 5–18. (In Russian).

Shevyakov, A. (2007). Excessive inequality as a brake on the development of the country. *Russian Federation today*, (3). (http://www.russia-today.ru/2007/no_23/23_economics.htm). (In Russian).

Shkaratan, O. I., et al. (2009). Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia. Moscow: OLMA Media Group, 560 p. (In Russian).

The World Bank (2006). World development report. Social justice and development. (<http://documents.worldbank.org/curated/ru/650941468314074496/World-development-report-2006-equity-and-development>). (In Russian).

The World Bank database (<https://data.worldbank.org/>).

Tinbergen, J. J. (1957). Welfare economics and income distribution. *The American Economic Review*, (3), 490–503.